

*ЛАРРИ И ДАНАЕ,
с просьбой простить меня за то,
что я использовала их бассейн
как место преступления*

ГЛАВА 1

В шесть часов тридцать минут в пятницу большие голубые глаза Люси Энкейтлл широко раскрылись навстречу новому дню, и, как всегда, сразу и окончательно проснувшись, она тут же занялась обдумыванием проблем, которые подсказывал ее необыкновенно деятельный ум. Чувствуя потребность немедленно с кем-то посоветоваться и выбрав для этой цели свою кузину Мидж Хардкасл, приехавшую к ним в «Лощину» вчера вечером, леди Энкейтлл выскользнула из-под одеяла и, набросив пеньюар на свои все еще грациозные плечи, направилась по коридору к комнате Мидж. По обыкновению, она тут же мысленно начала беседу, на ходу придумывая и ответы Мидж, поскольку обладала на редкость живым и богатым воображением. Так что когда леди Энкейтлл распахнула двери в комнату, где спала ее юная кузина, этот мысленный разговор был уже в полном разгаре.

— ...Поэтому, дорогая, ты, конечно, согласишься, что выходные обещают быть трудными.

— М-м, что такое? — невнятно пробормотала ничего спросонья не понимающая Мидж.

8 *Агата Кристи*

Леди Энкейтлл скользнула через комнату к окну, резко откинула занавеску и, подняв жалюзи, впустила в комнату бледный свет раннего сентябрьского утра.

— Птицы, — сказала она, глядя с явным удовольствием через оконное стекло. — Какая прелесть!

— Что?

— Погода, во всяком случае, не создаст дополнительных трудностей. Похоже, она установилась. Это уже хорошо! Если бы шел дождь, столько разных людей пришлось бы загнать в дом. Согласно, дорогая, это в десять раз хуже! Можно, конечно, придумать какие-нибудь игры, но, боюсь, получится как с бедняжкой Гердой в прошлом году. Никогда себе этого не прощу! Я потом говорила Генри, что это было очень необдуманно с моей стороны... Но мы, конечно, вынуждены приглашать ее, потому что было бы оскорбительно пригласить Джона и не пригласить Герду, хотя это как раз и создает трудности... И самое печальное то, что она, в общем-то, славная... Право, странно, что такой милый человек, как Герда, может быть начисто лишен сообразительности. Если это имеют в виду, говоря о законе компенсации одного качества за счет другого, по-моему, это совсем несправедливо!

— О чем ты говоришь, Люси?

— О выходных, дорогая! О гостях, которые завтра придут. Я всю ночь думала об этом и ужасно обеспокоена. Давай все с тобой обсудим. Мне будет намного спокойнее. Ты всегда так рассудительна и практична.

— Люси! — твердо сказала Мидж. — Ты знаешь, который теперь час?

— Признаюсь, нет, дорогая. Я этого никогда не знаю.

— Четверть седьмого, между прочим.

— Да, дорогая. — В голосе леди Энкейтлл не прозвучало и нотки раскаяния.

Мидж пристально посмотрела на нее. «Нет, — подумала она, — Люси положительно невыносима! Не понимаю, и почему мы терпим ее странности?» Но едва у нее промелькнула эта мысль, Мидж уже знала ответ. Леди Энкейтлл улыбнулась, и Мидж, как всегда, почувствовала необычное ее очарование. Даже теперь, когда Люси было за шестьдесят, оно не изменило ей. Ради этого очарования столько разных людей: и иностранные представители, и высокопоставленные правительственные служащие, и государственные чиновники — стойко переносили недоумение, раздражение и даже досаду, вызванные общением с ней. Ее детская восторженность и непосредственность обезоруживали и сводили на нет всякую критику в ее адрес. Стоило только Люси, широко раскрыв свои голубые глаза и протянув тонкие, хрупкие руки, прошептать: «О, мне, право, так жаль!» — как всякое недовольство мгновенно исчезало.

— Дорогая! — произнесла леди Энкейтлл. — Мне так жаль! Ты сразу должна была сказать, что еще так рано...

— Вот я и говорю... Но теперь это уже не имеет значения: я совершенно проснулась.

— Какая жалость! Но ведь ты сможешь мне, не правда ли?

— Ты о выходных? Что случилось? Почему это тебя так беспокоит?

Леди Энкейтлл легко присела на край постели. «Как она не похожа на прочих людей, — подумала Мидж. — Совершенно бестелесна... Будто фея».

Леди Энкейтлл с восхитительной беспомощностью протянула к ней трепетные белые руки.

— Самые неподходящие люди, — сказала она. — Я хочу сказать, все вместе... Каждый из них сам по себе очень мил...

— Кто должен приехать? — Крепкой загорелой рукой Мидж отбросила со лба густые черные волосы. Уж в ней-то ничего бестелесного и фееподобного точно не было.

— Конечно, Джон и Герда, — сказала Люси. — Само по себе это совсем неплохо. Я хочу сказать, Джон — прелесть и очень привлекателен, а бедняжка Герда... Мы все должны быть к ней очень добры. Очень-очень добры!

— Полно! Она не так уж и дурна! — возразила Мидж, движимая неясным для нее самой чувством защиты.

— Разумеется, дорогая, она просто трогательна. Эти глаза! И все-таки такое ощущение, что она не понимает ни единого слова из того, что ей говорят.

— Конечно, не понимает! — воскликнула Мидж. — Во всяком случае, она не понимает, что ты говоришь... И я не виню ее в этом! Мысли у тебя, Люси, невероятно стремительны, и слова за ними не поспевают, поэтому твоя речь делает удивительные скачки, а все соединительные звенья в ней отсутствуют.

— Как обезьянки... — задумчиво произнесла леди Энкейтлл.

— Кто еще будет, кроме Герды и Джона Кристоу? Наверное, Генриетта?

Лицо леди Энкейтлл посветлело.

— Да... вот на кого я могу положиться. Понимаешь, Генриетта по-настоящему добра, не только внешне. Она, конечно, поможет с бедняжкой Гердой. В прошлом году она была просто великолепна! Мы тогда играли в лимерик¹ или в слова, а может быть, в цитаты... что-то в этом роде, не помню точно, и все уже написали и начали зачитывать написанное вслух, и вдруг выясняется, что бедняжка Герда и не начинала писать! Она даже не поняла, в чем заключалась игра. Мидж, это было ужасно!

— Ума не приложу, почему люди все-таки приезжают к вам в гости, — сказала Мидж. — Заумные разговоры, мудреные игры да еще к тому же твоя странная манера говорить!

— Ты права, дорогая, с нами, наверное, очень трудно... А для Герды просто, должно быть, невыносимо. Я часто думаю, если бы у нее хватило смелости, она бы оставалась дома... Но она все-таки приезжает, и вид у нее совершенно растерянный и какой-то жалкий, бедняжка. Джон в тот раз был ужасно раздражителен, а я просто ничего не могла придумать, как бы все сгладить... И тогда Генриетта — я ей так благодарна! — начала расспрашивать Герду о свитере, который был на ней. Нечто ужасное... какая-то дешевка унылого салатного цве-

---

¹ Л и м е р и к — очень популярная в Англии разновидность шутивно-абсурдного стихотворения, состоящего обычно из пяти строк.

12 *Агата Кристи*

та. Герда сразу оживилась, оказалось, она сама его и связала, и когда Генриетта попросила у нее фасон, Герда была невероятно горда и счастлива. Генриетта всегда делает то, что нужно. Это своего рода талант!

— Она действительно умеет помочь, — задумчиво сказала Мидж.

— И она знает, что надо сказать.

— О, тут дело не только в словах, — заметила Мидж. — Знаешь, Люси, ведь Генриетта на самом деле связала такой же свитер.

— О господи! — Леди Энкейтлл казалась озадаченной. — И она носила его?

— Да. Генриетта всегда все доводит до конца.

— Наверное, это было ужасно?

— Нет, на ней этот фасон смотрелся очень хорошо.

— Что ж, я не удивляюсь. В этом разница между Генриеттой и Гердой. Все, что делает Генриетта, она делает хорошо, и все у нее получается. Я думаю, Мидж, если кто и поможет пережить эти два дня, так это Генриетта. Она будет мила с Гердой, позабавит Генри, поддержит в хорошем настроении Джона и, я уверена, поможет с Дэвидом...

— Дэвидом Энкейтллом?

— Да. Он только что из Оксфорда... или из Кембриджа¹. Такой трудный возраст, особенно для юношей мыслящих (Дэвид действительно умен!). Хорошо бы, однако, они попрдержали свой интеллект при себе, пока немного не повзрослеют, а то только

---

¹ К е м б р и д ж — один из крупнейших и старейших университетов в Англии, основан в XII веке.

и умеют, что краснеть от злости и грызть ногти. Да еще эти прыщи, и так смешно у некоторых выступает кадык... Эти юнцы или вообще молчат как рыбы, или, наоборот, спорят со всеми до хрипоты. Я очень надеюсь на Генриетту! Она удивительно тактична и задает только нужные вопросы. К тому же она скульптор, и все относятся к ней с уважением. А лепит не каких-то там зверюшек или детские головки. У нее очень современные вещи, вроде той странной штуковины из металла и штукатурки, которую она выставяла в прошлом сезоне. Что-то напоминающее стремянку, как у Хита Робинсона¹, которая называлась «Восходящая мысль»... или что-то в этом роде. Как раз то, что могло бы произвести впечатление на Дэвида. Хотя, по-моему, это просто чушь.

— Дорогая Люси, что ты говоришь!

— Безусловно, некоторые ее вещи очень милы. Например, «Плачущая девушка».

— Генриетта, по-моему, отмечена гениальностью, к тому же она очень хороша собой и прекрасный человек, — сказала Мидж.

Леди Энкейтлл встала и снова скользнула к окну. Она рассеянно играла портьерными шнурами.

— Интересно, почему именно желуди? — прошептала она.

— Какие желуди?

— Желуди на шнурах, придерживающих портьеры... или, например, ананасы на столбах ворот...

---

¹ Так говорят о нелепых по сложности устройства машинах и механизмах. По имени журналиста У. Хита Робинсона (1872–1944).

Я хочу сказать, должен же быть в этом какой-то смысл. Ведь можно было бы сделать шишку или грушу, но почему-то всегда желуди. Мне всегда это казалось странным.

— Не перескакивай на другое, Люси! Ты пришла поговорить о предстоящих выходных, а я так и не поняла, что же тебя волнует. Если ты воздержишься от интеллектуальных игр и попытаешься не вести заумных разговоров с Гердой, а Генриетте поручишь приручить Дэвида... В чем тогда трудности?

— Видишь ли, дорогая, будет Эдвард.

— О, Эдвард! — Мидж минуту помолчала. — Люси, с какой стати ты пригласила Эдварда?

— Я его не приглашала, Мидж. В том-то и дело! Он сам напросился. Телеграфировал, можем ли мы его принять. Ты ведь знаешь Эдварда... Если бы я ответила «нет», наверное, он никогда больше не осмелился бы просить разрешения приехать.

Мидж задумчиво кивнула. «Да, — подумала она, — Эдвард действительно такой». На секунду она ярко представила себе его лицо, такое дорогое, такое бесконечно любимое. В нем было что-то от очарования Люси... но более мягкое, застенчивое, чуть ироничное.

— Милый Эдвард, — произнесла Люси, словно отозвавшись на мысли, бродившие в голове Мидж. — Ах, если бы Генриетта решилась наконец-то выйти за него замуж, — продолжала нетерпеливо Люси. — Она его любит, я знаю. Если бы им удалось провести хоть одни выходные без Джона Кристоу. Джон Кристоу очень неблагоприятно действует на Эдварда. Когда они вместе, Джон становится еще больше самим собой, еще лучше, а Эдвард

делается еще меньше похожим на самого себя. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Мидж снова кивнула.

— Я не могла отказать в этот раз Кристоу, ведь их приезд был давно решен, но чувствую, Мидж, что все это будет очень сложно: Дэвид, с досадой грызущий ногти; Герда, которую надо чем-то занять; Джон, такой положительный, и наш милый Эдвард, который рядом с ним почему-то всегда тушуетя.

— Да, ингредиенты пудинга не очень многообещающие, — пробормотала Мидж.

Люси ответила ей улыбкой.

— Иногда, впрочем, — заметила она задумчиво, — все складывается само собой. Я пригласила к воскресному ленчу специалиста по преступлениям.

— Преступлениям?

— Голова как яйцо, — продолжала леди Энкейтлл. — Он расследовал какое-то убийство в Багдаде, когда Генри был там верховным комиссаром. А может быть, после этого... Мы пригласили его тогда на ленч; был еще кое-кто из чиновников. Помню, он явился в белом парусиновом костюме с розовым цветком в петлице и черных лаковых ботинках. Я плохо помню, в чем там было дело, потому что меня совершенно не интересовало, кто кого убил. Я хочу сказать, если человек мертв, как-то уже не имеет значения почему, и, по-моему, глупо поднимать вокруг этого столько шума.

— У вас здесь случилось какое-то преступление, Люси?

— О нет, дорогая. Просто он недалеко живет — в одном из этих новых нелепых коттеджей. Ну,